

НЕКРАСОВ И САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

I

Некрасов и Салтыков-Щедрин в 60-х, а главным образом в 70-х годах - находились в теснейшем деловом и личном контакте, так как стояли у кормила одних и тех же журналов, сначала "Современника", а затем "Отечественных Записок". Но в предшествующее десятилетие - в 50-е годы - этого контракта между ними не (существовало; мало того, они, повидимому, не слишком симпатизировали друг другу. Хотя первое относящееся к 1857 году упоминание Некрасова о Салтыкове-Щедрине, в связи с его литературным дебютом - "Губернскими очерками", носит вполне благожелательный характер {В письме к Тургеневу от 30 июня 1857 г. (см. книгу Пыпина о Некрасове). Некрасов называет "отчетливой" статью Чернышевского о "Губернских очерках", в которой Чернышевский, поставив Щедрина на одну доску с Гоголем и Тургеневым, заявлял: "Губернские очерки" мы считаем не только прекрасным литературным явлением,-- это благородная и превосходная книга принадлежит к числу исторических фактов русской жизни. "Губернскими очерками" гордится и долго будет гордиться наша русская литература. В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя. Честно имя его между лучшими, полезнейшими и даровитейшими детьми нашей родины. Он найдет себе многих панегиристов, и всех панегириков достоин он. Как бы ни были они высоки, те похвалы его таланту и знанию, его честности и проницательности, которыми поспешат прославлять его наши собратия по журналистике, мы вперед говорим, что все похвалы не будут повышать достоинств книги, им написанной.}, но каким-нибудь месяцем позже Некрасов, недавно возвратившийся из-за границы и плохо еще разбиравшийся в новых для него впечатлениях русской жизни, которая за годовое почти отсутствие его из России далеко ушла вперед, готов был бранить русскую литературу вообще ("все доносы на кварталных да на исправников - однообразно и бездарно"), в частности сетовать на "односторонность" Чернышевского и называть Щедрина, этого "гения эпохи", туповатым, грубым и страшно зазнавшимся господином {Набранные разрядкой слова мы берем из письма Некрасова к Тургеневу от 27 июля 1857 г. А. Н. Пыпин, печатая это письмо в своей книге о Некрасове, из ложной тенденции замалчивать отрицательные отзывы писателей передового лагеря друг о друге, не включил этих слов в текст письма заменив их многоточием...

В тех случаях, когда мы ссылаемся на письма Салтыкова, не оговаривая источника - речь идет о письмах, напечатанных Н. В. Яковлевым в изд. "Письма Салтыкова-Щедрина". (Ленинград 1925 г.).}

Впрочем, в этих резких и, конечно, по существу своему глубоко несправедливых словах сказались, повидимому, неприятное впечатление от личного знакомства с Салтыковым, угловатость в манерах и обхождении которого общеизвестна и не на одного Некрасова действовала отрицательно. Достаточных же оснований утверждать, что Некрасов в карие изменил свое благожелательное мнение о Салтыкове как писателе, эти слова, несмотря на их резкость, не дают. Как бы то ни было, в конце 1857 г. на страницах некрасовского "Современника" (№ 10) Салтыков напечатал "картину провинциальных нравов" "Жених", в 1859 - рассказ "Развеселое житье" (№ 2); с 1860 г. становится почти исключительным сотрудником "Современника"; в конце же 1862 г. входит в редакционный кружок журнала.

Характерно, что относящиеся к концу 50-х и к самому началу 60-х годов упоминания о Некрасове в его переписке свидетельствуют, что и его отношение к Некрасову в это время не было приятным. Так, в письме 1859 г. к Анненкову из Рязани, Салтыков сетует на Некрасова за то, что он, несмотря на его просьбы, не удосужился прочесть его рассказа, предназначенного к помещению в "Современнике" (очевидно, речь идет о "Развеселом житье"). В следующая письме тому же адресату (от 3 февраля) Салтыков, сообщая о похвалах Некрасова его рассказу, добавляет: "Я как-то не доверяю его похвале, потому что он все в воздухе нюхает и заботится только о том, чтоб на публику впечатление было" в письме к Анненкову начала 1860 г. (от 27 января) Салтыков заявляет, что "с Некрасовым тяжело иметь дело", и выражает желание перейти в "Библиотеку для чтения" - к Дружинину. Однако переход все же не состоялся; разрыв с "Современником", который, по признанию самого Салтыкова (в письме к Дружинину от 13 февраля 1860 г.), "все более в ходу" у русской читающей публики, о "честной

деятельности" которого "говорят даже на актах в гимназии",-- Салтыков не решался. Жалеть об этом ему, разумеется, не пришлось. Оставшись в "Современнике", он остался в главном русле русской литературы своего времени; он связал свое имя с именами общепризнанных "властителей дум" 60-х годов - Чернышевского и Добролюбова. Да и недостатки Некрасова, на которые он указывал в своих письмах, оказались, при более близком соприкосновении с ним, не столь существенными, как это представлялось ему ранее. А затем - и в этом, быть может, основная причина сближения Салтыкова с Некрасовым - Салтыков не мог не почувствовать в Некрасове идеологически и даже психологически родственного себе писателя. Проведение аналогии в указанном смысле между произведениями того и другого - дело специального и, без сомнения, могущего дать весьма ценные результаты исследования. Не задаваясь целями такого исследования, считаем все же нелишним отметить, что через творчество и Салтыкова и Некрасова красною нитью проходит страстная, все существо названных писателей проникающая любовь к родной природе, к родному народу. Эта органическая, "нутряная", если так можно выразиться, любовь лежит в основе и салтыковского и некрасовского "народничества". Некрасов, обращаясь в 1875 г. к Салтыкову, уезжавшему за границу, со стихотворным пожеланием: "О нашей родине унылой в чужом краю не позабудь!" - мог быть совершенно уверенным в том, что этого не (случится, ибо Салтыков еще на страницах своих "Губернских очерков", т. е. в 1857 г., признавался: "Перенесите меня в Швейцарию, в Индию, в Бразилию, окружите какую хотите роскошною природою, накиньте на эту природу какое хотите прозрачное и синее небо,-- я все-таки везде найду милые серенькие тоны моей родины, потому что я всюду и всегда ношу их в моем сердце, потому что душа моя хранит их, как лучшее свое достояние". В том же году аналогичные мысли развивал Некрасов в поэме "Тишина". Здесь поэт, благодаря "сторону родную" за ее врачующий простор, восклицает:

За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего...
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль.
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль.

А разве известная тирада Салтыкова из удивительного по своему лирическому подъему рассказа "Христос воскрес!" о "сером армяке", который целый год обливает потом кормилицу-землю, не находит себе десятков параллелей в творчестве "печальника горя народного"?

Число подобных примеров можно было бы во много раз увеличить, но и приведенных достаточно, чтобы судить о том, что уже в 1857 г. Салтыков и Некрасов, еще очень мало зная друг друга и, как мы видели, не "слишком даже симпатизируя один другому, были близки по убеждениям, так как ими владело одно и тоже настроение, одно и то же пламя пылало в их сердцах...

Вот это сродство убеждений и настроений и обусловило собою тот факт, что Салтыков, порвавший в начале 1862 г. с чиновничьей службой (на этот раз неокончательно), причалил свою ладью к корме того большого журнального корабля, который назывался "Современником". Причалил, несмотря на то, что данный момент был одним из наиболее тяжелых в истории журнала. В июне 1862 г. "Современник" был запрещен на целых восемь месяцев, и был арестован его главный сотрудник - Н. Г. Чернышевский. И это запрещение и этот арест были вызваны удалением реакции как в правительстве, так и среди представителей имущественных классов и стремлением реакционеров с помощью крутых мер расправиться с ненавистным "нигилизмом". И если Салтыков не побоялся в это именно время занять в редакции "Современника" одно из наиболее видных мест, то в этом нельзя не усмотреть и проявления солидарности с направлением журнала и акта некоторого гражданского мужества. С другой стороны, отношения между Салтыковым и Некрасовым вполне уже, надо думать, урегулировались, базируясь на чувствах взаимного уважения и доверия. Как раз в исходе 1862 г. произошло, если судить по воспоминаниям Елисеева (см. нашу статью "Редакция "Современника" в 1866 г.", "Голос Мин." 1915 г., No 1), некоторое охлаждение между Некрасовым и ближайшими Сотрудниками "Современника" Антоновичем и Елисеевым. Они

готовы были подозревать Некрасова (и совершенно неосновательно, как выяснилось в скором будущем) чуть ли не в ренегатстве и имели в виду прекратить свое сотрудничество в "Современнике". Салтыков, очевидно, совершенно не разделял этих подозрений, ибо именно в это время вошел в редакцию "Современника". Письмо Салтыкова к Некрасову от 29 декабря 1862 г. не оставляет никакого сомнения в том, что Некрасовым были доверены Салтыкову такие дела, которые составляют функцию если не самого редактора, то, во всяком случае, одного из соредакторов: Салтыков, судя по этому письму, вел сношения с цензурными инстанциями, принимал от авторов статьи и оценивал их литературные достоинства, имел голос при установлении порядка печатаемого в номере материала, отправлял материал в типографию и т. д. С другой стороны, его собственное сотрудничество в "Современнике" 1863--1864 гг. было исключительно интенсивным. Без всякого преувеличения можно сказать, что он был самым плодовитым ело (сотрудником). Так, например, по данным А. Н. Пыпина, Салтыковым в 1863 г. было напечатано в "Современнике" 25 статей и заметок и 12 рецензий, что, в общей сдельности, составляет огромный том в 550 страниц убористой печати. Однако обследование разысканных нами конторских книг "Современника" приводит к убеждению, что в списке Пыпина имеются значительные пробелы. По нашим подсчетам, сверх указанных Пыпиным, Салтыков в 1863 г. напечатал в "Современнике" 4 статьи и заметки и 7 рецензий, занимающих 77 страниц. В результате получаются колоссальные шифры: 29 статей и заметок и 19 рецензий, составляющих 627 страниц. И это итог сотрудничества Салтыкова в течение только одного года!

Само собою разумеется, что Некрасов не только должен был доверять ему, но и чрезвычайно ценить его, раз он дал ему возможность столь широкого сотрудничества в "Современнике". И он не ошибся в своих расчетах. Салтыков, заполняя страницы "Современника" своими работами, делал важное и нужное дело: его публицистика 1863--1864 гг. была в своем основном итоге проникнута неукротимым стремлением дать отпор все усиливавшемуся реакционному поветрию и, без сомнения, в пределах возможного достигала своей цели. В упомянутой уже книге Пыпина подробно излагается содержание "наиболее важных по своему общественному значению публицистических статей Салтыкова этого времени, а потому, не загружая статью повторением уже сказанного покойным последователем, отметим, что констатированное выше идеологическое сродство Салтыкова и Некрасова в эту пору их совместной деятельности проявлялось в еще более ярких формах, чем раньше. Вот два примера разительного совпадения в полемических выпадах того и другого. Достаточно было Салтыкову посмеяться над оппортунистом Краевским, издателем "Отеч. Зап." и "Голоса", который, стараясь уверить, кого следует, в своей благонадежности, не уставал твердить, что "Ледрю Роллен бы, да и вышел весь", газету же свою превратил в "Куриное эхо", от первой до последней строки умиляющееся якобы наступившему в курином мире благоденствию, как Некрасов посвящает редакции "Куриное эхо" целую сатиру, в которой, буквально повторяя Салтыкова, вкладывает в уста Краевского, между прочим, такие слова:

Но теперь с Ледрю Ролленом
Баста! Вышел весь!

И наоборот: достаточно было Некрасову, разошедшемуся с Тургеневым вследствие его принципиальных несогласий с направлением Чернышевского и Добролюбова, составить себе отрицательное мнение о романе "Отцы и дети" (в относящемся к середине 1861 г. стихотворном "Послании к Тургеневу" поэт упрекает своего бывшего друга в том, что он, "едва луч блеснул сомнительного света, задул свой факел и ждет рассвета", направляя "удары" "на идущих до конца"), как Салтыков не усомнился заявить о "страшной услуге", оказанной делу русского прогресса Тургеневым, окрестившим представителей молодого поколения "нигилистами". Несмотря на интенсивность литературной работы Салтыкова в 1863--1864 гг., он не чувствовал себя вполне удовлетворенным ею и начал подумывать о возврате к прежнему роду деятельности. Здесь, надо думать, прежде всего сказывалась приобретенная им в течение долгих лет и еще не атрофированная привычка к практической деятельности, которая в большей мере давалась чиновничьей службой, чем литературой. Ведь из дошедших до нас воспоминаний о Салтыкове-чиновнике мы знаем, что он вкладывал в свою службу много кипучей энергии, много искреннего стремления быть полезным и умел (редкое качество для чиновников старого режима!) служить не лицам, а делу. Затем, прямая и угловатая натура Салтыкова не мирилась с необходимостью приспособляться к требованиям цензуры, ладить с

цензорами, вообще итти на многое множество всяких компромиссов, без чего очень трудно, почти невозможно было обойтись передовому литератору того времени. В воспоминаниях Панаевой содержится нелишенный колоритности рассказ об обстоятельствах, предшествовавших отходу Салтыкова от литературы: "Я была свидетельницей однажды страшного раздражения Салтыкова против литературы. Не могу припомнить названия его очерка или рассказа, запрещенного цензором... Салтыков явился в редакцию в страшном раздражении и нещадно стал бранить русскую литературу, говоря, что можно поколоть с голоду, если писатель рассчитывает жить литературным трудом, что он не заработает на прокорм своей старой лошади, на которой приехал, что одни дураки могут посвящать себя литературному труду при таких условиях, когда какой-нибудь вислоухий камергер имеет власть не только исказить, но и запретить печатать умственный труд литератора, что чиновничья служба имеет перед литературой хотя то преимущество, что человека не грабят, что он каждое утро отсидит известное число часов на службе и получает каждый месяц жалованье, а вот он теперь и свищи в кулак. Салтыков уверял, что он навсегда прощается с литературой, и набросился на Некрасова, который, усмехнувшись, ему заметил, что не верит этому"...

Точно желая доказать свою правоту, Салтыков в конце 1864 г. оставляет "Современник" и вновь поступает на службу. Хотя его впечатления от Пензы и пензенской казенной палаты, председателем которой он был назначен, были безотрадны, хотя его надежды иметь некоторый досуг от служебных занятий, который мог бы быть использован в интересах литературной работы, не оправдались, но все же первые два года, т. е. 1865 и 1866, он твердо выдерживал наложенный на себя искус: почти ничего не писал и не печатал в "Современнике". Однако переписку с Некрасовым поддерживал. Одно из его писем к этому последнему (от 8 апреля) весьма интересно в том отношении, что вскрывает скептическое, если не оказать отрицательное, его отношение к тем сотрудникам "Современника", которые пытались "заступить место" сосланного Чернышевского и умершего Добролюбова, в особенности к М. А. Антоновичу.

Осенью 1867 г. и в течение всего 1868 г. переписка между Салтыковым и Некрасовым стала особенно интенсивной. Дело в том, что после годового с лишним бездействия, вызванного запрещением "Современника" (в мае 1866 г.), Некрасов решил вернуться к журнальной деятельности и остановился на мысли заарендовать "Отеч. Зап." А. А. Краевского. Эту мысль Некрасов развивал на особом собрании литераторов в октябре 1867 г., на котором присутствовал и Салтыков, находившийся в Петербурге, перед тем как ехать на место своего нового назначения - в Рязань. Из воспоминаний Елисеева (отрывки из них напечатаны нами в "Голосе Минувшего" 1916 г., No 2) известно, что план Некрасова признавался в общем приемлемым, но вопрос о том, кому быть ответственным редактором "Отеч. Зап.", возбудил "страстные дебаты". Так как не было никакой надежды на то, что в звании редактора будет утвержден кто-либо из бывших сотрудников "Современника", то Некрасов, за неимением другого исхода, считал возможным оставить в качестве ответственного, хотя и фиктивного, редактора Краевского; Салтыков же и Елисеев горячо восстали против этого, утверждая, что "это будет измена направлению "Современника". "Некрасову пришлось напрячь всю силу своей диалектики, чтобы заставить их уступить"... Салтыков должен был, однако, уехать в Рязань раньше, чем переговоры с Краевским пришли к благополучному завершению, а как только это произошло,-- Некрасов прислал ему телеграмму с предложением участвовать в "Отечественных Записках".

Сотрудничество Салтыкова в "Отечественных Записках" сразу приняло необычайно интенсивный характер: даже по данным далеко не полной библиографии А. А. Шилова, приложенной к книге К. Арсеньева о Салтыкове, в 1868 году Салтыков печатался в восьми NoNo "Отечественных Записок". Само "собой разумеется, что интенсивное сотрудничество должно было вызвать и интенсивную переписку. И действительно, в "Письмах Салтыкова" находим 15 писем (NoNo 36--50) Салтыкова к Некрасову, относящихся к последним двум месяцам 1867 г. и первым пяти месяцам 1868 г. Содержание их, преимущественно, касается тех произведений, которые высылались Салтыковым Некрасову для помещения в "Отечественных Записках", и вопросов, связанных с их напечатанием. В нескольких письмах имеются упоминания о той чисто редакторской работе, которую Салтыков взял на себя по просьбе Некрасова, - подготовке к печати романа Решетникова "Где лучше". Общий тон стсем свидетельствует о наличии между корреспондентами отношений, основанных на готовности помогать друг другу и доверии.

Так, например, Салтыков не только "сердечно" благодарит Некрасова за "высказываемое теплое к нему участие", в частности за заем в размере 2 500 рублей, но и обращается к нему за советами по вопросам чисто литературного характера, например: "стоит ли продолжать" начатое им произведение.

Не так давно нами были разысканы и напечатаны на страницах "Печати и Революции" (1928 г. No 4) еще три письма Салтыкова к Некрасову, относящихся к 1868 г. Из них, между прочим, следует, что решение порвать с чиновничьей службой Салтыков принял в связи с тем, что его "Письма из провинции" вызвали чрезвычайное озлобление среди рязанских бюрократов. "Здесь все узнали, - писал Салтыков Некрасову от 25 марта, - кто автор "Писем из провинции", - и дуются безмерно. Мне очень трудно и тяжело; почти неминуемо убраться отсюда. Нельзя ли пристроить меня при новом управлении Николаевской железной дороги чем-нибудь вроде директора по счетной части или в поземельном банке? Я бы был крайне рад, потому что обстоятельства мои из рук вон плохи"...

К величайшему сожалению, переписка с Салтыковым его многочисленных корреспондентов не сохранилась. Погибли и многочисленные письма к нему Некрасова, а в том числе и ответ Некрасова на цитированное письмо Салтыкова. Весьма вероятно, что в нем содержался совет бросить поскорее службу и войти в редакцию "Отечественных Записок" в качестве одного из руководящих ее членов. Как бы то ни было, но тою же весной Салтыков начинает хлопоты об отставке и 14 июня уже добивается увольнения. Два летних месяца он проводит в своем имении Витенева, а с осени уже поселяется в Петербурге и занимает почетное место у кормила "Отечественных Записок", работая рука об руку с Некрасовым. В связи с этим и в переписке их наступает годовой перерыв, когда весной 1869 г., с отъездом Некрасова за границу, она возобновилась, то Салтыкову пришлось затронуть в ней волновавший редакцию "Отечественных Записок" вопрос об ожесточенных печатных нападениях на "Отечественные Записки" и их редакторов, главным образом на Некрасова, со стороны двух участников редакционного кружка "Современника". Припомним обстоятельства дела. При организации новой редакции "Отечественных Записок", в исходе 1867 г., Некрасов обратился с приглашением участвовать в журнале не только к Салтыкову и Елисееву, но и к двум другим ближайшим сотрудникам "Современника" - Ю. Г. Жуковскому и М. А. Антоновичу (к Жуковскому непосредственно, а к Антоновичу, повидимому, через посредство Жуковского). Однако обращение это оказалось безрезультатным, ибо Жуковский предъявил Некрасову такие материальные требования (половинное участие в доходах), на которые Некрасов не мог согласиться. В результате Некрасов, Елисеев, а, потом и Салтыков объединились в "Отечественных Записках", а Жуковский и Антонович попытались обосноваться в новом журнале - "Современное Обозрение" Тиблена, самое название которого как бы подчеркивало связь его с запрещенным "Современником". В то время как "Отечественные Записки" почти сразу завоевали себе симпатии читающей публики и приобрели значительное число подписчиков, "Современное Обозрение" очень быстро захирело. Раздраженные плачевным исходом их начинания и искренно, надо думать, веря в то, что Некрасов и его сотоварищи, примирившись с ответственным редакторством {"Ответственное редакторство" Краевского являлось чистой фикцией: на него пришлось согласиться за отсутствием какого-либо другого исхода. Согласно договору, Краевский совершенно не мешался в редакционные дела, довольствуясь крупной суммой, которую он получал в качестве собственника "Отеч. Зап."} А. А. Краевского, с которым "Современник" вел ожесточенную полемику, изменили своим радикальным убеждениям, Жуковский и Антонович раннею весной 1869 г. выпустили брошюру: "Материалы для характеристики современной русской литературы", в которой упрекали Некрасова в ренегатстве, силились доказать, что за год своего "существования под новой редакцией "Отечественные Зарядки" проявили полнейшую бессодержательность и пустоту, а присоединившихся к Некрасову бывших сотрудников "Современника" третировали как внесостоящих людей" (выражение Жуковского), как легковесную "шушеру и шелуху", летающую по воле ветра (выражение Антоновича). По целому ряду причин (они указаны в третьей главе статьи "Некрасов и Белинский") Некрасов, подвергшийся наибольшим оскорблениям со стороны авторов брошюры, предпочел им ответить молчанием; брошенную же Жуковским и Антоновичем перчатку подняли Салтыков и Елисеев. В апрельской книжке "Отечественных Записок" за 1869 г. появилась обширная, в 11 печатных страниц, рецензия Салтыкова на "Материалы" и большая, в два печатных листа, статья Елисеева: "Ответ на критику". В своей рецензии Салтыков без обиняков заявлял, что в основе распри Жуковского и Антоновича с Некрасовым лежали "некоторые неудавшиеся денежные расчеты" первых двух и что нападки

их на него, Салтыкова, можно объяснить только тем, что они, "снедаемые бессильной яростью на бывшего хозяина", находятся в состоянии "полной невменяемости". "Сколько лет, - опрашивал Салтыков, - и в каком протухлом, уединенном месте должны были прожить эти пользующиеся правом невменяемости кусатели, чтобы воспитать в себе столь чудовищную неразборчивость в обращении со словом?" Полный мерзости, угроз и припоминаний "ультиматум" Антоновича к Салтыкову, о котором последний говорит в своем письме к Некрасову от 18 апреля, и был вызван этою именно рецензией Салтыкова. Не лишнее будет привести это замечательное письмо хотя бы в извлечениях (полностью оно напечатано нами в "Печати и Революции"):

"Нельзя не позавидовать Вам, многоуважаемый Николай Алексеевич, что Вы, по крайней мере, находитесь хоть временно вне литературных наших помой. Не хотелось бы даже писать Вам об них, чтоб не испортить Ваше расположение духа, но пишу единственно (потому, ;что нужно же Вам знать, что тут делается.

На этот раз Вы уже в стороне; на сцену выступаю я. На-днях я получил, в форме письма, ультиматум от г. Антоновича, в котором он требует ответа: мне ли принадлежит рецензия, напечатанная в No 4 "Отеч. Зап.". Мерзостей, угроз и припоминаний, которых исполнено это гнусное письмо, я не берусь передавать Вам; письмо это сохраняется мною как монумент и доказательство, до каких пределов может доходить литературное бешенство; я Вам покажу этот любопытный документ при свидании. Ультиматум дает мне сроку неделю, чтобы ретрактироваться, а затем, дескать, пойдут обличения. Обличения эти обещают наточку измены и т. д. Я, разумеется, ничего не отвечал и отвечать не буду (т. -е. на письмо), а буду ждать обличений, которые, вероятно, появятся в приложении к "Космосу" {Журнал, в котором сотрудничал тогда М. А. Антонович.}. Посмотрим, что будет, а между тем сознаюсь откровенно, я очень сильно чувствую Ваше отсутствие из Петербурга, хотя и прошу Вас не принимать это с моей стороны за просьбу или настояние возвратиться сюда. Я опасаюсь, чтобы обличения не произвели какого-нибудь недоразумения в редакции "Отеч. Зап.". Я показывал, впрочем, письмо Елисееву и Унков., и они сказали, что это гнусные пустяки, о которых не стоит говорить. Я объяснился с Елис. довольно подробно, и он не изменил своего мнения. Для меня ясно, что все, что напишет этот негодяй, будет клевета и притом сознательная, но во всяком случае это так отвратительно, что просто бежал бы из этого нужника, называемого (ошибочно) русской литературой. Напишите, во всяком случае, что Вы думаете".

Не менее ярок и относящийся к тому же вопросу нижеследующий отрывок из письма Салтыкова к Некрасову от 22 мая:

Я к Вам недавно писал в Париж по прежнему адресу, многоуважаемый Николай Алексеевич, и в (письме подробно излагал наши петербургские обстоятельства. Вероятно, Вы письмо это уже получили. А. и К. {Под "А. и К." Салтыков, надо думать, разумел Антоновича и компанию.} покуда не показывают особенных признаков жизни, только в вышедшем на-днях приложении к "Космосу" поместили статейку {Имеется в виду статья, напечатанная в приложении No 1 к "Космосу" (2-е полугодие) на стр. 84--102.} по поводу воспоминаний Тургенева, ругнули Вас да, кстати, и меня назвали "шелухою", летающею по воле ветров. Как я подвернулся тут - нельзя понять, но, видно, теперь всякий повод хорош, чтоб задеть меня. Но, вообще говоря, статейка дрянная и не стоит внимания, тем более что приложения к "Космосу" расходятся, говорят, не более как в 200 экземплярах. О книге Рождественского {Ив. Рождественский в 1869 г. выпустил полемическую брошюру против Антоновича и Жуковского по поводу их "нападков на Некрасова под заглавием: "Литературное падение гг. Антоновича и Жуковского".} я Вам уже писал; по-моему, она ни то, ни се, но я слышал, что Жуковский ее хвалит; следовательно, она достигла отчасти своей цели. Жуковский присылал меня спросить, не хочу ли я прочитать его ответ на мою статью в "Отеч. Записках", с тем, чтобы я исправил его, если он покажется мне резким; я отвечал, что предпочитаю читать мерзости печатные и исправлять статьи, противу меня дописанные, не намерен. Где он намеревался печатать этот ответ и когда - неизвестно; но с тех пор ни гугу, а Европеус {А. И. Европеус (1827--1885) был близок к редакции "Современника" и, хотя не являлся сотрудником журнала, участвовал в редакционных собраниях и обедах.}, который, конечно, все это знает, перестал ко мне ходить. Я, впрочем, встретил на-днях Жуковского у Лермонтова, и он подошел ко мне первый; но разговора у нас никакого не состоялось. Я хочу написать детский рассказ под названием:

"Повесть о том, как один пономарь хотел архиерейскую службу сослужить", и посвятить ее Ант. Но все это оставлю до вашего приезда".

Остальные относящиеся к 1869 году письма Салтыкова к Некрасову напечатаны в собрании Н. В. Яковлева (NoNo 52 и 53). Из них, как и в публикуемых нами, видно, что отношения между писателями становились все ближе и ближе. Уже инцидент с брошюрой Антоновича и Жуковского не мог в этом смысле пройти бесследно, так как объектом их нападок послужили, правда, не в одинаковой мере, оба писателя, а самый факт нападок, да еще несправедливых, естественно, сближает тех, кто является их жертвой. С другой стороны, рецензия Салтыкова на "Материалы", столь уязвившая Антоновича и Жуковского, должна была быть "приятной Некрасову, хотя автор ее, очевидно, вполне сознательно, отнюдь не становился в позу присяжного апологета Некрасова. Тем не менее в течение пятилетия, с 1870 по 1874 г. включительно, их переписка не отличалась интенсивностью, что объясняется тем, что особенно долгих перерывов в их деловом контакте почти не было. Несколько писем Салтыкова к Некрасову, относящихся к началу 70-х гг., напечатано в "Архиве села Карабихи" (из них наибольший интерес представляет письмо от 28 июля 1872 г., написанное под впечатлением известия о получении "Отечественными Записками" первого предостережения); в собрании Н. В. Яковлева приводится текст семи писем и записок (NoNo 54, 55, 56, 71--74), не являющихся по содержанию своему сколько-нибудь значительными, хотя и дающих большой фактический "материал для истории современной журнальной работы обоих писателей. То же приходится сказать и о тех письмах и записках Салтыкова начала 70-х годов, которые были напечатаны нами в "Печати и Революции".

Приводим из их числа три записочки, свидетельствующие, что в рассматриваемый период времени деловой контакт и деловая близость между Салтыковым и Некрасовым успели перейти в личный контакт и в личную близость.

1

(Петербург, 1 февраля 1862 г.).

Николай Алексеевич.

Родился сын Константин, который, очевидно, будет публицистом {Надежды Салтыкова на литературную карьеру его доньне здравствующего сына оправдались в очень слабой степени. Совсем недавно, в 1922 г., К. М. Салтыков выпустил книгу "Интимный Щедрин", в которую, на ряду с не лишними интереса подробностями, рисующими семейную жизнь и домашний обиход его отца, внес немало черт, представляющих облик великого писателя односторонне и субъективно.}, ибо ревет самым наглым образом. Происшествие сие случилось 1 февраля в 3 1/2 часа ночи.

Салтыков

2

Не уговоритесь ли с Унковским завтра или послезавтра вечерам ко мне. Дайте знать. Давно у меня никто не был. Вчера я был несколько пьянее вина.

Ваш М. Салтыков

3

30 декабря

Сегодня проснулся с таким избытком смешных мыслей, какого давно не было. ¹

II

О растущей близости между писателями говорят и письма Салтыкова к Некрасову за 1875--1876 г., (когда, за выездом первого с лечебными целями за границу, где он, переезжая из Баден-Бадена в Париж, из Парижа в Ниццу, из Ниццы в Париж, из Парижа (снова в Эаден-Баден, (провел почти 13 месяцев (с апреля 1875 (г. по май 1876 г.), "переписка (между ними становится особенно интенсивной. Большинство этих писем напечатано в собрании Яковлева (№№ 75, 76, 79--81, 83--89, 91--98, 100, 102, 105--110, 112, 113), однако целых десять писем этого периода не вошло в собрание, а между тем они, независимо от их биографического значения, смелостью эпитетов, определенностью и резкостью суждений, относящихся иной раз к первоклассным русским писателям, пожалуй, даже превосходят напечатанные в собрании письма. Усиленно рекомендуя их вниманию читателей они напечатаны нами совсем недавно (в "Новом Мире" 1929 г., № 5), ограничимся здесь тем, что перечислим основные темы, затрагиваемые в них Салтыковым. Это, прежде всего, "здоровье" и "литература".

Исписать о своем здоровье для человека больного такой тяжелой и мучительной болезнью, как салтыковская, для человека, к тому же по натуре очень нервного, мнительного, легко впадающего в панику,-- конечно, было немислимо, и удивляться тому, что Салтыков много внимания уделяет этому допросу в своих письмах, никоим образом не приходится.

Зато приходится удивляться другому: как физические страдания, оторванность от впечатлений родной действительности, от привычной литературной среды, от журнала, наконец, были бессильны не только понизить страстный интерес Салтыкова ко всему, что так или иначе относилось к области литературы и журналистики, но и ослабить интенсивность салтыковского творчества. Загадочным и прямо-таки исключительным является тот факт, что, тяжело страдая и телом и духом, Салтыков продолжал творить, причем ни в количественном, ни в качественном отношении его творческая сила не пошла на убыль. Не забудем, что с весны 1875 г. по весну 1876 г. Салтыков напечатал в "Отч. Зап." значительную часть такого капитального произведения, как "Благонамеренные речи", несколько лучших рассказов головлевского цикла, "Культурных людей", продолжение "Экскурсий в область умеренности и аккуратности" и т. д. Весь этот громадный материал нашел себе место в 10 книгах журнала (№№ 8, 9, 10, 11, 12 за 1875 г. и №№ 1, 3, 4, 5, 6 за 1876 г.), где занимает сотни страниц... Естественно, что при столь напряженной литературной деятельности, в письмах к своему соредктору, чрез руки которого проходило каждое из вновь написанных им произведений, прежде его напечатания в журнале, Салтыков постоянно говорит о своей работе, о том, как она продвигается, насколько он доволен ею, спрашивает мнения о высланном материале, возмущается цензурными препонами и т. д. и т. п.

Однако одушевлявшая Салтыкова глубокая и искренняя любовь к литературе вообще не давала ему замкнуться в круг вопросов, непосредственно связанных с его собственным литературным творчеством; в его письмах ярко отразилось и то, как внимательно он следил за творческой работой и других современных ему писателей, как русских, так и иностранных. Правда, суждения его о них, в особенности о Тургеневе, Толстом, гр. Соллогубе, иногда выливаются в очень резкие формы. Салтыков нередко бранится, подчас очень грубо бранится. Здесь оказалось несомненное влияние его болезни, расшатавшей до крайности его нервы, делавшей его временами не просто, а патологически раздражительным. Все это так, но почти всегда в основе страдательных отзывов Салтыкова о том или ином писателе кроется глубокая, пусть в иных случаях не лишенная субъективной окраски мысль. Влиянием болезни надо объяснить и истерическое письмо к Некрасову (от 2 января 1876 г.), с требованием немедленно отдать какие-то деньги Унковскому. Через неделю, в письме от 10 января, Салтыкову пришлось каяться в (своей резкости в следующих выражениях: "Написал я вам глупое письмо. Пожалуйста, извините. Болезнь писала. Я и теперь чуть жив, левая рука совсем почти не действует, особенно скверно утром вставать: такая боль, что хоть плачь".

Что касается собственно отношения к Некрасову, проявившегося в этих письмах, то оно характеризуется, прежде всего, исключительной искренностью тона. Салтыков говорит с Некрасовым обо всем, что его интересует, и говорит с полнейшею откровенностью. Чувствуется, что он видит в своем адресате человека, от которого ничего, вплоть до малейшей перемены в состоянии здоровья, не надо скрывать, с которым можно не стесняться в суждениях и о себе и о других, хотя бы эти другие были крупнейшие представители современной литературы. Даже то, что Салтыков нередко "распускает язык" в своих письмах к Некрасову,

употребляя невероятно резкие и ее приличные выражения, свидетельствует, что Некрасов был для него в это время в достаточной степени близким человеком. Вот несколько цитат, (подтверждающих эту нашу точку зрения: "Как бы то ни было, но мне было бы горько целый год вас не видеть" (от 22 августа 1875 г.); "не ленитесь писать, скажите о Ваших работах. А то 5 строк напишете и... весь Ваш" (там же); "сейчас получил ваше письмо и обрадовался ему чрезвычайно" (от 19 января 1871 г.); "еще больше огорчило меня известие, что вы чувствуете себя неладно... Не хандрите и смотрите на вещи мира сего легче" (от 4 сентября 1875 г.); "я очень верю Вам, что Вам и скучно, и надоело, и противно. Горько вообще теперь жить" (от 16 марта 1876 г.). Нет надобности доказывать, что и в тоне и в содержании того, что говорится здесь Салтыковым, достаточно явственно проглядывает его отношение к Некрасову, как к своему человеку. Характерно и то, что письма Салтыкова содержат сплошь да рядом просьбы к Некрасову дать отзыв о том или другом его произведении; вместе с тем Салтыков не может да и не хочет скрывать своей радости, когда Некрасов его хвалит. Немало внимания проявляет Салтыков и к произведениям Некрасова, а однажды целое почти письмо посвятил тонкому и беспристрастному разбору новой поэмы Некрасова. Мы имеем в виду его письмо от 12 февраля 1876 г. Читатель не посетует на нас за обширную из него выписку:

"Вчера получил "Отеч. Зап.", прочел первым делом Вашу поэму {Речь идет о поэме "Современники", вернее о второй части ее "Герои Времени", напечатанной в No 1 "Отеч. Зап." 1876 г.} и желал дать Вам (подробный отчет о впечатлении, произведенном ею на меня (я думаю, что только взаимною, доброжелательною критикой поддерживается бодрость таланта). Но для этого нужно перечитать эту вещь два или три раза, а я не успел отвернуться, как книжку уже отдали на прочтение, так что она вряд ли раньше 10 дней воротится ко мне. Тем не менее, я могу по первому впечатлению сказать, что поэма поразила меня своею силою и правдою, например, картина Кокоревых, тянущих бичеву и с искренним трагизмом поющих бурлацкую песню (превосходную), производит поразительное действие. Описание оргии, спичи и лежащая на всем фоне угрюмость - все это отлично задумано и отлично выполнено. Но позволяю себе сделать следующие замечания: 1) Вы слишком часто меняете размеры стиха; 2) некоторые рифмы производят неприятное впечатление, одна в особенности: хоть целковыми вымости; 3) некоторые стихи имеют вид куплетов (тост), что положительно вредит; представьте себе, что посреди коллизии самого трагического свойства вдруг врывается Монахов или Горбунов, конечно, и это возможно и даже законно в среде наших плутократов тут самое трагическое то, что даже трагедии настоящей нет), но в таком случае нужно, чтобы личность поэта вполне стусевывалась, и выходило бы только объективно; 4) мне "кажется, Вы бы не худо сделали, если б Зацепу заставили застрелиться.

Затем, помимо Вашей поэмы, 1-ая книжка "Отеч. Зап." не удовлетворяет и имеет вид "складчины"...

Картина, рисуемая письмами Салтыкова была бы, само собой разумеется, несравненно ярче и многостороннее, если бы параллельно с ними были напечатаны ответные письма Некрасова. Но они, как уже указывалось выше, по востребованию, утеряны безвозвратно. Тем большую ценность приобретают некоторые имеющиеся у нас данные об отношении Некрасова к больному Салтыкову. Сюда, прежде всего, надо отнести телеграмму Некрасова к Анненкову от 6 мая 1875 г. (она напечатана в Собрании Яковлева), в которой он, беспокоясь о здоровье Салтыкова, ухудшившемся благодаря тяжелой семейной обстановке, поднимает вопрос о том, не следует ли изолировать больного от семьи. Вслед за телеграммой Некрасов отправил Анненкову следующее письмо, сплошь (посвященное Салтыкову и его здоровью (от 27 апреля 1876 г.). Вот оно:

"Любезнейший Павел Васильевич, не браните нас, что мы так много тревожили Вас телеграммами. Думаю, что Вас за эти дни поизмучило-таки состояние Салтыкова. С вечера третьего дня нет телеграмм, (и это дает надежду, хотя слабую, что дело пошло (к лучшему. В первом подступе ревматизма у Салтыкова было все то, что в этом третьем, и прошло. Но теперь сил у него, конечно, "менее. Нечего Вам говорить, как уничтожает меня мысль о возможности его смерти теперь именно, у-ни-что-жа-ет... С бодрой лошадей и надорванная прибавляет бегу. Так было со мной в последние годы. Журнальное дело у нас всегда было трудно, а теперь юно жестоко. Салтыков нес его не только мужественно, но и доблестно, и мы тянулись за ним, как могли. Не говорю уже о том, что я хорошо его узнал и привязался к нему.

Надо Вам оказать, что последняя моя телеграмма (о семействе) вызвана была некоторыми особыми соображениями. Между нами -- в семейном его быту происходит какая-то неурядица, так что он еще здесь колебался, не ехать ли ему одному. Я подумал, не назрел ли вопрос окончательно, и в таком случае немедля (поехал бы, чтобы взять от него элемент, нарушающий (столь необходимое для него спокойствие. Но ехать за семействам в случае несчастья мне самому ее было резона, мы найдем, кого послать. Не на кого оставить журнал. Будьте здоровы. Пишите. Усердный мой поклон Глафире Александровне. Весь Ваш Н. Некрасов.

Вот стихи, которые я сложил в день отъезда Салт[ыкова]. Прочтите их ему, когда ему будет полегче.

С. (при отъезде за границу)

О нашей родине унылой
В чужом краю не позабудь
И возвратись, собравшись с силой,
На оный путь, журнальный путь
На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,
Но где мы нисхождение купим
Трудом у мыслящих людей,
Трудом - и бескорыстной целью.
Да, будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью
Остаток жизни отдавать".

И телеграмма, и в особенности письмо говорят сами за себя: так тепло и задушевно, вникая в интимные подробности жизненной обстановки, можно говорить лишь о человеке близком и любимом. Среди известных нам нескольких сот некрасовских писем, в "огромном большинстве случаев строго деловых, а потому и суховатых, приведенное письмо прямо-таки выделяется. Не меньшими теплотой и задушевностью веет и от стихотворения Некрасова...

Не только от Анненкова, но и от других своих знакомых получал Некрасов сообщения о Салтыкове, причем эти сообщения делались, само собой разумеется, по настойчивым просьбам поэта, пользовавшегося каждым случаем, чтобы узнать о состоянии здоровья своего соратника по журнальному поприщу. В "Новом Мире" нами напечатано одно из таких писем, а именно относящееся к 1878 г. письмо к Некрасову его старого знакомого и приятеля Вал. Ал. Панаева. Салтыков, само собой разумеется, не мог не знать об отношении к нему Некрасова во время его болезни, и, когда Некрасов весной 1876 г., в свою очередь, заболел, заболел недугом, ют которого ему не суждено было поправиться, он оплатил ему тою же монетою. В 1921 г. нами напечатаны ("Книга и Революция" 1921 г., No 2) три письма Салтыкова к Некрасову, относящиеся ко времени пребывания Некрасова в Крыму, куда он уехал с лечебными целями в конце августа 1876 г. Проявившееся в этих письма отношение Салтыкова к Некрасову полно искреннего и глубокого участия, рожденного, прежде всего, сознанием, что покидает поле битвы незаменимый соратник, многоопытный борец, с которым Салтыков привык бок-о-бок сражаться в течение долгих лет, отстаивая одно и то же знамя, а затем, непосредственного сочувствия к близкому человеку в неимоверных страданиях сводившему свои расчеты с жизнью. В подтверждение приведем несколько цитат из этих писем: "крепко уповаю, что хороший воздух и тепло помогут Вам. Без Вас и скучно и совсем как-то (неловко. Но, впрочем, да не смущает это Вас. Как-нибудь проведем ладью. Пишете, пожалуйста, о Вашем здоровья. Это всех - и редакцию и друзей Ваших - всех крайне интересует" (из письма от 3 сентября); или: "Сегодня утром видел у Вольфа в магазине В. А. Еракову. Она сообщила мне, что от Вас получено известие, что Вам лучше. Все этому я от души порадовался... Пишите, пожалуйста, если улучите минутку, хотя мы и уверены, что Крым поправит Вас, но все же лучше услышать об атом от Вас лично" (из письма от 21 сентября); или: "Письмо Ваше, где Вы пишете, что Вам "лучше, поистине облегчило и меня и всех составляющих наш кружок. Дай бог, дай бог! *Болезнь Ваша тревожит и мучит меня лично совершенно так же, как моя собственная. Тоскливо, тревожно, ничего делать не хочется. Условия деятельности так сложились, что*

она возможна только вместе, а без деятельности и жизнь имеет мало смысла... Пишите, пожалуйста, как вы себя чувствуете. Ежели сами не можете часто писать, то попросите А. Н. Еракова... Как ни прискорбно Ваше отсутствие, но все-таки я думаю, что лучше было бы вам провести зиму где-нибудь в теплом климате, где не так мрачно, как в Петербурге... "Отеч. Зап." No 10 пойдет в цензуру, наверное, в пятницу... Есть там и мой рассказ, который я насилу написал и за который, по обыкновению, боюсь. *За Вашим отсутствием не с кем и посоветоваться*" (из письма от 13 декабря).

На ряду с письмами, непосредственно обращенными к Некрасову, о нем и об его болезни Салтыков часто упоминает в письмах к другим своим адресатам, главным образом, в письмах к их общему давнему знакомому П. В. Анненкову, причем преобладающим настроением этих упоминаний является страх перед теми неурядицами и осложнениями, которые может повлечь за собой смерть Некрасова, как главного редактора "Отеч. Зап.". Если в "письмах к самому больному Салтыков, естественно, избегал касаться волнующих тем,-- а тема: "что будет с журналом, когда Вы умрете", конечно принадлежала к числу самых волнующих,-- то "в письмах к Анненкову он в этом отношении мог дать себе (полную волю. Отсюда было бы неправильно делать вывод, что Салтыков рассматривал Некрасова исключительно как необходимую спицу в их журнальной колеснице. Конечно, не исключительно..., но, с другой стороны, нельзя отрицать, что основу их отношений составляло общее дело и что вследствие этого, думая о возможной кончине Некрасова, Салтыков прежде всего должен был думать о том, как она отразится на общем деле... Для Салтыкова гораздо большее значение имело то, что в лице Некрасова умирает редактор, журналист, товарищ по работе, чем то, что умирает один из его добрых знакомых. Здесь уместно будет подчеркнуть, что, несмотря на констатированную выше личную близость Салтыкова и Некрасова, явившуюся естественным и необходимым следствием тесного делового контакта между ними, отношение Салтыкова к Некрасову, как к человеку, временами было довольно-таки критическим, если не оказать неприязненным. Трудно сомневаться, что если бы их не связывали тесными узами "Отеч. Зап.", едва ли между ними могли бы возникнуть сколько-нибудь близкие отношения. Сказанное многое объясняет в тоне и характере тех упоминаний о Некрасове, которые содержатся в письмах Салтыкова к Анненкову.

Первое из этих упоминаний относится еще к апрелю 1876 г., когда Салтыковым были получены первые известия о болезни Некрасова и когда эта последняя не приняла еще последующего грозного характера. "Хлопоты с цензурой,-- читаем мы здесь,-- унижительные, и право я удивляюсь Некрасову, как он выдерживает их. Как хотите, а это - заслуга, ибо, собственно говоря, материально он обеспечен. Стало быть тут что-нибудь, кроме денежного расчета, действует. Боюсь, что он устал, что-то начинает поговаривать об отставке. А без него мы все - мат".

В тесьме от 1 ноября, писанном в день возвращения Некрасова из Крыма, очевидно, под непосредственным впечатлением свидания с ним, Салтыков аттестует его как "совсем мертвого человека" и, желая нагляднее изобразить крайнюю степень его физического истощения, сравнивает его с "большим осенним комаром, едва передвигающим ноги". "Во всяком случае,-- заканчивает Салтыков,-- с жизнью покошено, как и у меня, т. е. остается уже не ждать, а кое-как обороняться от небытия".

Месяцем позднее, в следующем по времени письме к Анненкову (от 25 ноября) Салтыков рассказывает о предсмертных цензурных мытарствах Некрасова: "Этот человек,-- говорит он,-- повитый и воспитанный цензурой, задумал и умереть под игом ее. Среди почти невозможных болей написал поэму {Речь идет о последней (четвертой) части поэмы "Кому на Руси жить хорошо" - "Пир на весь мир".}, которую цензура и незамедлила вырезать из 11-го No. Можете сами представить себе, какое впечатление должен был (произвести этот храбрый поступок на умирающего человека. К сожалению и хлопотать почти бесполезно: все так исполнено ненависти и угрозы, что трудно даже издали подступиться. А поэма замечательная: в большинстве довольно грубая, но с проблесками несомненной силы. Вот ежели был бы стыд, то этого бы не сделали хоть ради того, что человек тридцать лет служит литературе и имеет имя. Да и содержание, собственно говоря, ретроспективное: крепостное право.

Как только Некрасов умрет (в чем я почти не сомневаюсь), так, вероятно, рушатся и "Отечественные Записки". А так как мне уже не приходится на "старости лет слоняться по разным редакциям и так как в моей деятельности большую роль играет привычка и известный способ писания, то катастрофа сия, вероятно, отразится и на мне. Или, говоря проще, я тоже умолкну. Некрасову, конечно, не говорят о настоящей сути его болезни, но он, повидимому, и сам ничего не вдет. При этом владеет собой изумительно, хотя иссох до того, что наружностью походит на большого осеннего комара. Замечательна жизнь этого человека, но я всегда был и буду склонен думать, что в ней было более хорошего, чем дурного. Ненужного коварства не было".

В заключительных словах не чувствуется, конечно, особой теплоты, но весь смысл цитированного отрывка свидетельствует о том, насколько тесно в представлении Салтыкова сплелась его собственная судьба с судьбой Некрасова. Что же касается собственно оценки Некрасова как человека, то, констатируя его сухость, трудно в то же время не признать ее объективной, а потому заключительный благоприятный вывод ("более хорошего, чем дурного") приобретает особый вес.

К сожалению, эта объективность изменила Салтыкову в марте 1877 г. Находясь под (впечатлением цензурной репрессии (против одной из наиболее дорогих ему его статей, страшно (Волнуясь по поводу тяжелой болезни жены и, вероятно, испытывая некоторые денежные затруднения, он дал волю своему раздражению и в письме к Анненкову от 2 марта допустил по адресу больного Некрасова несколько насмешливых и жестких замечаний, шедших в разрез с его обычным отношением к поэту: "Некрасов все в том же положении. Доктора мало надежды подают, но ему, как кажется, очень не хочется подписать счет. Все хлопочет об автобиографии и рассказывает свою жизнь. Четырех докторов при себе имеет, а пятый - Боткин - наблюдает. Собирается выписать Бильрота из Вены. Может быть и удастся выскочить, а ежели не удамься, то во всяком случае он явится в царство небесное в сопровождении четырех врачей и пятого - лейб-медика. А вот у меня жена заболела - я два дня бился, не мог направить медицинскую помощь как следует - всем некогда. А я ведь не совсем же неимущий, а только менее имущий".

Нет надобности распространяться о том, насколько несправедлив был в данном случае Салтыков Можно ли в самом деле ставить больному, да еще больному такой на редкость мучительной болезнью, как болезнь Некрасова, в вину, что ему "не хочется подписать счет", что он не жалеет денег на докторов?! Можно ли удивляться тому, что человек, которому при жизни приходилось выносить столько нападков, перед смертью занялся своей автобиографией, стремясь к тому, чтобы об его жизни и личности у современников и у будущих поколений имелись точно проверенные данные?! Впрочем, трудно сомневаться, что в цитированном отрывке оказались не столько дурное чувство в отношении умирающего Некрасова, сколько присущая натуре Салтыкова склонность к острословию. Эта склонность проявлялась в самые трагические и мрачные моменты его жизни. Когда его сердце буквально истекало кровью от боли и обиды, он не мог удержаться от острого словца... хотя бы по своему собственному адресу. Конечно, никогда Салтыкову не приходилось переживать такого напылива невыразимо тяжелых чувств и настроений, как в дни запрещения "Отечественных Записок". И тем не менее в одном из писем к Белоголовому (напечатанные в книге В. Розенберга: "Журналисты безвременья") Салтыков, говоря об этом событии и своем отношении к нему, пишет: "что касается до моего социального положения, то я теперь все равно, что генерал без звезды. Никак не могу решить, какого я пола"... Нет надобности распространяться, (что Салтыков в это время заслуживал глубочайшего сожаления, а никоим образом не насмешек, однако он довольно ядовито смеялся сам над собой. И, конечно, не потому, что он не жалел себя: просто врожденная потребность в острословии и в этом случае не могла не проявиться. Из этого же психологического источника происходила и корбящая нас насмешка над Некрасовым, который-де явится в царство небесное в "карете цугом и в сопровождении пятерых врачей..."

Смерть Некрасова, в свою очередь, несмотря на несомненно возбуждаемые ею горестные чувства, не в состоянии была обуздать салтыковского острословия. В статье Елисеева "Некрасов и Салтыков" ("Русское Богатство" 1893 г., No 9) и в книге Кривенко о Салтыкове рассказывается о том, как сердился Салтыков, узнав, что Некрасов распорядился похоронить его в Новодевичьем монастыре, а не на литераторских мостках Волкова кладбища.

Однако оба рассказчика не сочли нужным передать сорвавшуюся при этом с уст Салтыкова остроту, сохраненную устным преданием. Суть ее заключалась в том, что Некрасов так-де любил "девочек" при жизни, что и после смерти захотел к ним поехать. Конечно это было очень зло оказано, но в данном случае злоязычие Салтыкова, как это и явствует из рассказа Кривенко, было вызвано досадой, что Некрасов будет лежать не со "своими", т. е. не рядом с другими, любимыми и уважаемыми представителями литературной братии. Таким образом, психологический источник обидной и неуместной остроты по адресу покойника надо искать не в пресловутой "злбности" Салтыкова, а скорее в добром расположении к Некрасову, которого он считал "своим".

В "воспоминаниях" сына Михаила Евграфовича ("Интимный Щедрин", 1923 г.) приводится весьма невероятный анекдот о том, как Салтыков и его компаньоны по карете во время похорон Некрасова, "едуци на кладбище... засели за партию в винт, будучи уверенными, что душа Некрасова должна была радоваться, видя, что ее поминают тем же образом, каким он любил проводить большую часть своей жизни"... Анекдот этот уснащен еще более невероятными подробностями вроде того, что когда карета проезжала мимо квартиры Салтыкова, то он высунулся из нее и показал своим домашним, стоявшим у окна, игральную карту. Не придавать веры рассказанному К. М. Салтыковым нас побуждают следующие соображения: мог ли рассказчик, которому в декабре 1877 г. не было еще шести лет, запомнить так отчетливо все происходившее на похоронах? Мог ли Салтыков, очень дороживший мнением о себе как раз тех общественных кругов, которые хоронили Некрасова, рискнуть на такую ребячески-циничную выходку, которую легко могли заметить многочисленные участники похоронной процессии? Допустимо ли вообще предположить, что Салтыков, *очень*, по словам того же рассказчика, *огорченный* смертью Некрасова, следуя за гробом, окруженным толпой людей, *искренно оплакивавших* поэта, был способен играть в винт и нашел себе для такого времяпрепровождения компаньонов? На все эти вопросы, думается нам, гораздо больше оснований дать отрицательный ответ, чем положительный. Каким же образом возник тогда рассматриваемый анекдот? В намеренной лжи трудно да и несправедливо было бы обвинить сына сатирика. Наиболее правдоподобным представляется нижеследующее объяснение. В духе и характере Салтыкова было сосречь, что сопровождающим гроб Некрасова следовало бы помянуть его партией в шит. Через 45 лет (1877--1922 г.) воспоминание об этой остроте отца, осложненное быть может какими-либо домыслами матери, могло привести сына к изложенному выше анекдоту.

III

За всем тем нельзя отрицать, что приведенные острые словечки Салтыкова и хотя бы анекдотические рассказы о некоторых его поступках, оставляют после себя не слишком приятный осадок и предрасполагают к выводу, что Салтыков просто не любил Некрасова, а контакт между ними всецело основывался на том, что они были нужны друг другу. Такой вывод, думается, был бы все же неправильным. Ему противоречат многие факты, из которых далеко не все были указаны в Предшествующем изложении. Известно, например, что Салтыков в 1876-77 гг. принял на себя всю тяжесть сношений с цензурой, всячески оберегая от них большого Некрасова. Здесь не лишнее будет отметить, что Салтыков, будучи во многих отношениях не худшим редактором, чем Некрасов, уступал ему в умении ладить с цензурой. У него не было столь широких знакомств среди цензоров, а особенно среди лиц, могущих, по своему социальному положению, влиять на цензуру; он не применял для укрощения цензурных чинов тех способов, которые Некрасов обозначал выразительным определением - "прикармливание зверей" {В понятие "прикармливания" на языке Некрасова входило и устройство лукулловских пиршеств для цензоров и "нужных людей" у себя на дому, и присылка им настрелянной дичи, и намеренный проигрыш им денег в карты, и т. д., и т. п.}. Не то, чтобы он не сознавал, сколько горькой правды заключается в словах посвященного ему стихотворения Некрасова о том, что на "журнальном пути" "шагу мы не ступим без сделок с совестью своей", нет, он просто по основным свойствам своей природы мало был приспособлен к компромиссам вообще. В "Воспоминаниях" П. М. Ковалевского сохранился любопытный рассказ о том, как вел себя Салтыков на одном из обедов, специально устраиваемых Некрасовым для поддержания отношений с "нужными людьми". Случайно зайдя к Некрасову "после одного да таких обедов, Ковалевский, к удивлению своему, увидел следующую картину: один из наиболее влиятельных чинов цензурного ведомства, "маленький Фукс - тот самый Фукс, которого Салтыков, в качестве

Щедрина, печатаю назвал Фуксенком да еще с эпитетом "поганого" - закуривает сигару о сигару Михаила Евграфовича, уста в уста, и Михаил Евграфович, хоть мрачно, на поддается этому лобзанию сигар.

- Прикармливаем зверя,-- объяснил мне Некрасов,-- приставлен ходить за нами...

Салтыков злобно взглянул на меня и так мотнул шеей, как даже он обыкновенно не мотал. Его совсем перевернуло. Я не мог удержаться от улыбки.

- А вы уж и рады!-- брякнул он до его мнению тихонько, но так, что всем было слышно".

Сценка эта, в достоверности которой отнюдь не приходится сомневаться, очень характерна. В ней, с одной стороны, запечатлелась готовность Салтыкова идти на предписываемые грустной необходимостью компромиссы, а с другой, его неспособность, хотя бы во имя успеха этих компромиссов, обуздать свой прямой и угловатый характер, плохо мирившийся со всяким лицемерием. Таким образом, болезнь Некрасова, этого никем, кажется, среди русских журналистов непревзойденного мастера всякими правдами и неправдами провозить по узкому журнальному фарватеру, среди цензурных Сцилл и Харибд, контрабанду вольных мыслей и идей, весьма должна была затруднить положение Салтыкова, на плечи которого упала вся тяжесть цензурного бремени. Но как ни трудно временами приходилось Салтыкову, он все же не решался тревожить больного Некрасова просьбами о совете и помощи. В нашем распоряжении имеется определенное свидетельство об этом сестры Некрасова - Анны Алексеевны Буткевич. В дневнике, который она пыталась вести в дни болезни Некрасова, рассказывается (см. нашу статью о цензурных мытарствах Некрасова, "Голос Мин." 1918 г., No 4--6) о том, в какой тревоге явился однажды Салтыков на квартиру Некрасова, как, имея настоятельную надобность в его совете, намеревался было сообщить ему об аресте одной из книжек журнала - и все-таки, в конце концов, не решился этого сделать.

Кстати сказать, немало цензурных мытарств пришлось претерпеть в это время Салтыкову в тщетных попытках провести через цензурные фильтры "лебединую песнь" Некрасова - его написанную в Крыму поэму "Пир на весь мир" (часть "Кому на Руси жить хорошо"). Упоминание о том, как отнеслась цензура к "Пиру", содержится в цитированном выше письме Салтыкова к Анненкову от 25 ноября 1878 г. Хотя в этом письме Салтыков и говорит, что о разрешении напечатать ("Пир" и схлопотать почти бесполезно", ибо в цензурном ведомстве "все так исполнено ненависти и угроз, что трудно даже издали подступиться", все-таки эти хлопоты были им предприняты, но, как он и ожидал, не сопровождались успехом. Из письма к Краевскому, писанного вскоре после смерти Некрасова (оно напечатано в газете "День" 1914 г., No 114), явствует, что в январе 1878 г. Салтыков вторично пытался добиться разрешения напечатать "Пир" в февральской книжке "Отеч. Зап.", но и эта попытка осталась безрезультатной. И только в конце пресловутой лорис-меликовской "диктатуры сердца" Салтыкову удалось убедить начальника главного управления по делам печати сенатора Н. С. Абазу согласиться на напечатание "Пира": он появился в No 2 "Отеч. Зап." за 1881 г., а несколько ранее выхода книги в письме от 2 февраля (см. в сборн. Яковлева, стр. 121) сестра поэта приносила Салтыкову "сердечную благодарность за то, что он отстоял "Пир" у Абазы". Мы знаем, таким образом, о трех попытках Салтыкова, имевших своей целью преодоление цензурных препятствий к напечатанию данного произведения Некрасова. А скольких таких попыток мы не знаем, за отсутствием письменных и документальных свидетельств о них...

Если забота о литературном наследии Некрасова, с одной стороны, проявлялась в хлопотах (перед цензурными органами, то, с другой стороны, она "нашла себе выражение в деятельном участии в той "дружеской комиссии", которую организовала А. А. Буткевич, приступив к первому посмертному изданию Стихотворений Некрасова, для разрешения различных сопряженных с изданием вопросов. Роль Салтыкова в этой комиссии была одной из главных, так как его авторитет в глазах Буткевич стоял очень высоко. "Салтыков у меня, - писал он в ноябре 1878 г. С. И. Пономареву, которому было поручено редактирование издания,-- за всю пишущую братию". Нами в свое время были опубликованы (газ. "День" 1914 г., No 115) "письма Салтыкова к Буткевич, позволяющие судить о том, в какие подробности, касающиеся издания, он входил в своем стремлении способствовать успеху предпринятого начинания.

Среди этих писем имеется также письмо, из которого видно, что он руководил работой другой комиссии, обсуждающей вопрос, что "сделать с капиталом, собранным в память покойного Николая Алексеевича". Конечно, все это относится к сфере чисто деловой, но самый факт участия Салтыкова в подобного рода "делах" доказывает его готовность "всемерно способствовать тому, чтобы имя и память Некрасова сохранили и после его смерти свое обаяние.

Если же искать доказательств близости Салтыкова и Некрасова в области личных отношений, то об этой близости достаточно громко говорит хотя бы то, что М. Е. Салтыков был одним из поручителей при Драке Некрасова и его давней подруги Зинаиды Николаевны. Другим поручителем был интимнейший друг Некрасова, "самый дорогой его друг", как гласит надпись поэта на рукописи посвященного ему стих. "Элегия", А. Н. Браков. В виду особых обстоятельств, сопровождавших бракосочетание Некрасова, поручительство чревато было некоторыми неприятными последствиями, в частности, объяснениями с духовным начальством, и из письма Салтыкова к Кракову (см. газ. "День" 1914 г., No 115) мы знаем, что такие объяснения и на самом деле имели место. Затем, когда в январе того же рокового для Некрасова 1877 г. Некрасов пожелал составить завещание, то в качестве свидетелей были привлечены и к завещанию "руку приложили" Салтыков, Елисеев и д-р Белоголовый. Так как завещание в некоторых своих частях носило довольно интимный характер, указывая, например, формы и способы обеспечения близких поэту женщин (А. Я. Панаевой-Головачевой, З. Н. Некрасовой, Селины Лефрень-Потчер). то естественно, что свидетелями могли быть (приглашены люди более или менее близкие, в дружеских чувствах которых Некрасов имел основание не сомневаться.

Констатируя, таким образом, наличность личной близости между Некрасовым и Салтыковым, которая не мешала подверженному приступам болезненной раздражительности Салтыкову отзываться о Некрасове иногда не слишком благожелательно, нельзя не отметить, что с общественной точки зрения вопрос о характере их личных отношений не имеет, собственно говоря, особенно важного значения. Гораздо важнее то, что их деловой контакт, основанный на глубокой преданности общему делу и взаимном уважении, дал чрезвычайно плодотворные результаты, и руководимый ими журнал бесспорно был лучшим из передовых русских журналов 70--80-х гг. Важно также и то, что в своем художественном творчестве оба писателя, несмотря на огромные различия в области формы и в области того, что принято называть психологией творчества, временами тесно сходились видео логически, а идеологическое сродство естественно порождало сходные образы, картины и положения. Некоторые примеры подобного рода совпадений уже были приведены. Дополним их еще двумя-тремя, повторив сделанную ранее оговорку, что в задачи настоящей работы отнюдь не входит сколько-нибудь подробное разъяснение вопроса об общих мотивах в творчестве Салтыкова и Некрасова.

Выше цитировалось письмо, выявляющее отношение Салтыкова к поэме Некрасова "Современники". Удивляться, что эта поэма так понравилась Салтыкову, не приходится уже потому, что она по своим мотивам близко подходит к некоторым произведениям Салтыкова. И проникнутое сарказмом отношение поэта к "юбилярам" бюрократам и плутократам, строящим свое благополучие на угнетении и эксплуатации народных масс, и его жгучая ненависть к новому "хозяину исторической сцены" - алчной, ни перед чем не останавливающейся ради приобретения капитала плутократии - находят себе полные аналогии у Салтыкова. Если читатель даст себе труд пересмотреть первую часть поэмы "Современники" - "Юбиляры и триумфаторы", с одной стороны, и первую половину салтыковского рассказа "Сон в летнюю ночь", с другой, то он согласится с нами, что Некрасов и Салтыков, изображая вошедшие в 60--70-е гг. в моду "юбилеи", если употребляют не всегда сходные краски, то, во всяком случае, кладут в остову своих "картин родственные настроения. Еще более оснований для сближения между второй частью поэмы "Современники" - "Герои времени" и первой частью "Дневника провинциала". В этом случае, думается, можно говорить даже о некотором влиянии салтыковских образов на некрасовские. В подтверждение приведем маленькую параллель:

Некрасов:

Тут были банкиры, дельцы биржевые,
И земская сила - дворяне степные;
Тут было с десятков менял.
Сидели тут рядом тузы-иноземцы:
Остзейские, русские, русские немцы,
Евреи и греки и много других и т. д.

Салтыков:

Устричная зала полна. Губерния преобладает... На столах валяются фуражки с красными околышами и кокардами.

Там мелькают какие-то оливковые личности, не то греки, не то евреи, не то армяне...

Если таким образом Некрасов иногда шел путем, указанным Салтыковым, то и Салтыкову нередко приходилось повторять Некрасова. Взять хотя бы завершающую только что упомянутый рассказ "Сон в летнюю ночь" юбилейную речь учителя Крамольникова во славу крестьянских детей, крестьянских женщин и, "наконец, русского крестьянина страстотерпца. Она от начала до конца представляет собой вариации на некрасовские мотивы и темы.

Вот образ, выхваченный из знаменитого стихотворения "В полном разгаре страда деревенская": "Согбенная под лучами палящего солнца, она надрывает свои силы над скудной полосой ржи. И все это время ребенок остается без призора, мокрый, без пищи"...

Вот рассуждение, навеянное "Крестьянскими детьми": "Какие попечения окружают его (крестьянского ребенка) в этом нежном и опасном возрасте? Мне больно, господа, но я должен сказать, что ничего похожего на уход тут не существует... Нужно удивляться... что еще находятся отдельные единицы, которые, но счастливой случайности, остаются жить"...

Вот параллель, свидетельствующая об общности одного из главных мотивов поэмы "Мороз Красный Нос" и салтыковского "Сна":

Некрасов:

Века протекали - все к счастью стремилось,
Все в мире по несколько раз изменилось
Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьян...
Случайная жертва судьбы!
Ты глухо незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла...
Ты вся воплощенный недуг,
Ты вся вековая истома.
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил.

Салтыков:

Мое сердце сжимается при одном имени русской крестьянки.

Мало радости у крестьянина, а у нее и совсем нет их... Крестьянка прикована к семье, на всю жизнь осуждена на безответность... Она даже бороться не может, а может только втихомолку проливать слезы... Кто видит эти слезы? Кто слышит, как они льются капля по капле, подтачивая драгоценнейшее человеческое существование?..

Характерно, что Салтыков, повторяющий в данном случае Некрасова (конечно, речь идет о бессознательном повторении, отнюдь не о каком-либо нарочитом подражании), употребил

при изображении доли крестьянки выражения, заимствованные из народной поэзии, которые впоследствии были использованы Некрасовым в одной из частей его поэмы "Кому на Руси жить хорошо" - "Крестьянка". Это всем памятные выражения:

День - денна моя печальница,
В ночь - ночная богомолица.

Что касается третьей части речи учителя Крамольникова, посвященной русскому крестьянину, то она целиком пронизана мотивами "Кому на Руси жить хорошо". В самом начале ее Салтыков ставит вопрос, не перестававший в течение всей его жизни интересоваться и Некрасова: "Крепостное право умерло и больше не возвратится. Но даже и теперь, когда цепи рабства спали "с вас, освободились ли вы от тех тягостей и опасностей, которые на каждом шагу осаждают русского крестьянина?" Или говоря словами уже Некрасова:

Народ освобожден, но счастлив ли народ?..
И рабству долготу пришедшая на смену
Свобода наконец внесла ли перемену
В народные судьбы?..

Наконец, весьма знаменательно, что когда Салтыков и Некрасов задумывались об общественной ценности своего поколения, людей 40-х годов и "кающихся дворян", то в их сознании возникали, а затем и на бумагу (переходили почти тождественные идеи, а иногда и образы, причем в этом случае Некрасов предварил Салтыкова. Его стихотворения "Рыцарь на час", "Медвежья охота", "Человек сороковых годов" по своим основным мотивам весьма близко подходят к очеркам Салтыкова "Дворянские мелодии" и "Чужой толк".

Приведенные примеры, число которых можно было бы во много раз увеличить, конечно, еще не решают вопроса о характере и степени непосредственного влияния творчества одного писателя на творчество другого. Однако они все же достаточно убедительны для того, чтобы, основываясь на них, считать установленным факт идеологического взаимодействия между ними. Смерть Некрасова была поэтому ощутительна для Салтыкова не только как потеря одного из хороших знакомых, не только как потеря незаменимого сотоварища по журнальной работе, но и как потеря чрезвычайно родственного по своей идеологии писателя, посвятившего свое перо проповеди тех идей, которые воодушевляли и его, борьбе с теми же социальными явлениями, которыми возмущался и он. Вот почему одно из наиболее зрелых и вдохновенных своих произведений - "Пошехонскую старину" - Салтыков имел в виду посвятить именно Некрасову, как об этом свидетельствует Г. З. Елисеев в воспоминаниях о Салтыкове и Некрасове ("Русское Богатство" 1893 г., No 9). Это посвящение должно было дать отпор вошедшему в 80-ые гг. в моду пренебрежительному отношению к людям 60-х и 70-х гг., одним из наиболее выдающихся представителей которых, по глубокому убеждению Салтыкова, был Некрасов.